

- ²⁷ Бородино. Документы. Письма, воспоминания. М., 1962. С. 102.
- ²⁸ Цит. по: *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011. С. 196.
- ²⁹ *Кутузов М.И.* Письма, записки. М., 1989. С. 346–347.
- ³⁰ *Жomini А.* Критическая и военная история революционных походов, служащая продолжением рассуждения о великих военных действиях. Ч. 8. СПб., 1817. С. 262.
- ³¹ Наполеон Бонапарт... С. 383.
- ³² Политика и стратегия в Отечественную войну 1812 года // Военный сборник. 1901. Кн. 4. С. 7.
- ³³ Это признаёт даже восторженно относящийся к Наполеону исследователь: *Соколов О.В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805. Т. I. М., 2006. С. 234.
- ³⁴ *Кили К.* Командование // Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792–1815. М., 2009. С. 153.
- ³⁵ *Бутовский И.* Фельдмаршал Кутузов. СПб., 1858. С. 52.
- ³⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 327.
- ³⁷ Там же. С. 101–102.
- ³⁸ *Жomini А.* Стратегия и тактика... С. 95.
- ³⁹ Там же. С. 157.
- ⁴⁰ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в царствование Императора Александра с 1806 по 1812 год. СПб., 1843. С. 283.
- ⁴¹ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. М., 2008. С. 244–245.
- ⁴² *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны... С. 283.
- ⁴³ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 243–244.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 276.
- ⁴⁶ *Жomini А.* Критическая и военная история... Ч. 8. С. 277.
- ⁴⁷ Там же. С. 247.
- ⁴⁸ Цит. по: *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 89–90.
- ⁴⁹ Подробнее см.: *Лопатин В.С.* Указ. соч. С. 94.
- ⁵⁰ Там же. С. 91.
- ⁵¹ *Ульянов И.Э.* 1812. Русская пехота в бою. М., 2008. С. 65; Тактика победы // Михаил Илларионович Кутузов. М., 2011. С. 7–34.
- ⁵² *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 122.
- ⁵³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 год. СПб., 1843. С. 298.
- ⁵⁴ *Петров А.* К биографии Светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского // Военный сборник. 1900. № 3. С. 1.

© 2012 г. А.И. ПОПОВ*

«СКИФСКАЯ ВОЙНА» 1812 ГОДА

Среди основных причин гибели Великой армии в Отечественной войне 1812 года западные историки называли природно-климатические условия России и ошибки Наполеона, российские – сначала Промысел Божий и единение сословий вокруг престола, а затем – партизанскую и народную войну (в советской историографии партизанские действия рассматривались как часть народной войны). Все отечественные исследователи также считали, что одним из факторов победы являлись «скифская тактика» и «скифский план» российского командования. Однако истинные масштабы применения «скифской тактики» и ее влияние на исход противоборства двух империй специально

* **Попов Андрей Иванович**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара).

не анализировались. Более того, В.М. Безотосный недавно поставил вопрос о правомерности применения понятия «скифская тактика». Он отметил, что «по заманчивой аналогии с древними скифами, которые эффективно использовали в борьбе с численно превосходящим противником тактику выжженной земли и отступления в глубь страны, ряд историков стали говорить о “скифской тактике” для обозначения плана действий российских армий в первый период кампании 1812 г. или пытались оспорить это утверждение. Автором “скифского плана” стали называть М.Б. Баркляя де Толли». По мнению историка, хотя окончательный план генерала от инфантерии Баркляя де Толли «базировался на отступательной доктрине и предполагал использование тактики выжженной земли, исходными моментами для него послужили не столько примеры из древней истории, сколько опыт успешных действий испанских и британских войск против армии Наполеона на Иберийском полуострове, а также рекомендации российских разведчиков. Да и предполагаемый театр военных действий представлял собой не степи, где столь эффективно действовали древние скифы, а местность, покрытую лесами. Возникает вопрос – насколько правомочно в современной литературе употребление терминов “скифская тактика”, “скифский план”, “скифская война”? С нашей точки зрения, они представляют модернизированные под сегодняшний день определения и используются неудачно, поскольку не отражают сути происходивших событий»¹.

С этим мнением нельзя согласиться. Во-первых, учет российским командованием опыта войны в Испании вовсе не исключал знания и использования методов скифов и парфян. Во-вторых, упомянутая терминология не является «модернизированной», поскольку она широко употреблялась самими участниками войны 1812 г., причем с обеих сторон. Современники часто именовали Баркляя Фабием Кунктатором, в основном в отрицательном смысле, хотя самые проникательные из них понимали, «что французов можно было победить единственно, как был побежден Аннибал: чрез войну отступательную, продолжительную и чрез отвлечение неприятеля от источников сил его»². В-третьих, отмеченное Безотосным различие природных условий не имеет принципиального значения, так как главнейшим условием для применения «скифской тактики» служат большие размеры территории страны, а не рельеф местности.

При этом следует различать понятия «скифский план» и «скифская тактика», под которой подразумеваются методы исполнения плана, способ ведения боевых действий – «истребительная война», «тактика выжженной земли», применявшаяся российским командованием от западной границы до самой Москвы³. «Скифский план», т.е. официально принятая доктрина ведения отступательной войны, предусматривал отказ от генеральных сражений у границы и заманивание противника в глубь своей территории до некоего предела, где должен совершиться перелом в войне. В отечественной историографии ведутся дискуссии именно о том, до какого предела изначально (согласно плану, принятому до начала войны) русские собирались отступить?

«Замысел, продуманный глубоко»

О стратегическом плане российского командования историки до сих пор спорят не только по причине неудовлетворительного состояния источников, но и вследствие предвзятого подхода к этой проблеме. Как писал специально изучавший этот вопрос В.В. Пугачев, всего «в адрес высшего военного руководства было подано около 30 планов действий против Наполеона от русских генералов и от иностранцев. Проекты будущей кампании в большинстве своем не могли отвечать реальной обстановке накануне войны, так как авторы их не располагали полной информацией ни об армии Наполеона, ни о состоянии русских войск на границе»⁴. А.Г. Тартаковский отмечал, что «мысль об отступательной войне в целом была чужда русской армии. Со времени нашествия Карла XII – в течение целого столетия – Россия не видела в своих пределах иноземного врага, победоносные войны екатерининской эпохи велись на окраинах империи». В коалиционных войнах россияне воевали на территории союзников, так что «желание наступать преобладало не только в рядовой офицерской и солдатской массе, но и среди

генералитета, также психологически не подготовленного к оборонительной войне»⁵. Но от замыслов превентивной войны к марту 1812 г. в России отказались.

П.А. Жилин полагал, что у российского командования «никаких планов ведения «скифской войны», расчетов на отход армии в глубь страны не было»⁶. По мнению других историков, идея «скифского плана» родилась задолго до войны и впервые была выдвинута именно Барклаем де Толли, который еще в 1810 г. представил Александру I записку «О защите западных пределов России», предложив «избрать главную оборонительную линию, углубившись внутрь края, по Западной Двине и Днепру». Русская армия должна была от самой границы сопротивляться противнику, «в польских провинциях до тех пор, пока совершенно истощатся все пособия, какие только можно будет взимать от земли, дабы тогда, отступая в постоянную оборонительную линию, оставить неприятелю, удаляющемуся от своих магазинов, все места, опустошенные, без хлеба, скота и средств к доставлению перевозкою жизненных припасов»⁷. После истощения и раздробления сил противника русской армии следовало перейти в наступление.

По мнению Тартаковского, к началу войны «скифская идея» получила признание в наиболее просвещенных военных кругах, которые «хорошо понимали, что нет более надежного способа противостоять полководческому гению Наполеона... Особое значение придавалось при этом бескрайним пространствам страны, суровому, непривычному для французов климату, русскому бездорожью»⁸. Эту идею разрабатывали офицеры Главного штаба и военной разведки: генерал-майор кн. П.М. Волконский и полковники Я.П. Гавердовский, барон Ф.В. Тейль фон Сераскернен и А.И. Чернышев. Последний исходил из того, что «в политике, так же как и в военном искусстве, главное правило заключается в том, чтобы делать противное тому, чего желает противник». Поскольку Наполеону опасно надолго покидать Францию, необходимо «затягивать на продолжительное время войну... Этим можно совершенно спутать ту систему войны, которой держится Наполеон»⁹. Ссылаясь на примеры Фаbia Кунктатора и Веллингтона, Чернышев предлагал затягивать войну и избегать больших сражений¹⁰. Адъютант Баркля капитан А.Н. Сеславин вспоминал, что «задолго до 1812 г. уже решено было, в случае наступления неприятеля, отступить, уступить ему всю Россию до тех пор, пока армии не сосредоточатся, не сблизятся со своими источниками, милиция не сформируется и образуется, завлекая таким образом внутрь России, вынудить его растягивать операционную свою линию, а чрез то ослабевать, теряя от недостатка в съестных припасах людей и лошадей»¹¹.

Своеобразным итогом различных проектов ведения войны стала представленная Барклау 2 апреля 1812 г. записка подполковника П.А. Чуйкевича, служившего в Секретной экспедиции Военного министерства. В ней подчеркивалось, что России придется рассчитывать только «на собственные свои силы и прибегнуть к средствам необыкновенным, кои обрящет в твердости своего Государя и преданности ему народа, который должно вооружить и настроить как в Гишпании с помощью духовенства». «Наполеона прославляли быстротою в военных его действиях», но главная причина этого заключалась в том, писал Чуйкевич, что он боялся затягивания войны, ибо имел за спиной поработанные народы. Поэтому Наполеон «ищет генеральных баталей, дабы одною или двумя решить участь целой войны. Весьма часто нетерпеливость Наполеонова вовлекала его в важные ошибки». «Оборонительная война есть мера необходимости для России... – считал подполковник, – нам должно избегать генеральных сражений до базиса наших продовольствий... Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык, и успехи свои основывать на свойственной ему нетерпеливости от продолжающейся войны, которая вовлечет его в ошибки». «Уклонение от генеральных сражений; партизанская война летучими отрядами особенно в тылу операционной неприятельской линии, не допускания до фуражировки... суть меры для Наполеона новые», – отмечал Чуйкевич. Необходимо «беспреданно развлекать внимание неприятеля, посылая сильные партии иррегулярных войск беспокоить его денно и ночью... Дело их есть прорывать беспреданно неприятельскую операци-

онную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля истреблением того, что будет им по силе и возможности». Чуйкевич допускал, «что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большое пространство земли», однако, собрав свежие силы, она сможет дать битву против его утомленных и уменьшающихся по численности войск. «Потеря нескольких областей не должна нас устрашать, – утверждал подполковник, – ибо целостность государства состоит в целостности его армий»¹². «Можно только подивиться, – заметил Тартаковский, – той ясности и конкретности, с какими за два с лишним месяца до перехода Наполеоном границы был предвосхищен в трактате весь, так сказать “концепт” Отечественной войны»¹³.

В советское время утверждалось, что у Баркля был свой «скифский замысел» заманивания неприятеля в глубь России, отличный от плана генерал-лейтенанта К.Л. Фуля, который ограничивал пределы отступления Дрисским лагерем. Историки ссылались при этом на высказывания царя о готовности отступить вплоть до Камчатки, а также на записку Баркля 1810 г. и проект Чуйкевича. Но, как признал Пугачев, в этих документах «нет плана, который был бы утвержден Александром I в качестве официального», «нет никаких документов о его выработке и утверждении»¹⁴. «Отсутствие письменного плана отступления действительно является историческим фактом», – констатировал С.В. Шведов, по мнению которого «у царя была масса серьезных причин не оформлять свое решение письменно, что не мешало последовательно его исполнять»¹⁵. А.Л. Монахов и Л.Л. Ивченко окончательно доказали, что такого плана не существовало. «Александр, Барклай и Фуль, не имея точных данных о намерениях Наполеона, не стали составлять подробно разработанного плана, а ограничились тем, что определили способ ведения боевых действий, отраженный в инструкциях», – предположил Монахов¹⁶. Как выразился Д. Ливен, «ни Барклай, ни Александр не были настолько глупы, чтобы составлять точное временное расписание того, как будет развиваться их стратегический замысел. Учитывая непредсказуемость войны (тем более с самим Наполеоном), это было бы самоубийством»¹⁷.

Составляя свой проект, Фуль исходил из того, что «численное превосходство противника может быть нейтрализовано путем искусного отступления. Чем дальше Наполеон будет удаляться от своих ресурсов, тем больше будет испытывать всякого рода нужду. Его армия, двигаясь по почти необитаемой стране, будет ежедневно слабеть морально и физически, в то время как русские, выигрывая время, будут все больше концентрироваться и усиливаться». Фуль предлагал сформировать две армии, из которых одна должна была «отступать там, где находится сам Наполеон, и где имеются превосходящие войска, в то время как другая армия должна атаковать противостоящего ей противника, где можно бить его и затем действовать в тыл главным силам Наполеона». При чем отступление 1-й армии «будет продолжаться только до укрепленного лагеря на Двине»¹⁸.

Безотосный справедливо заметил, что «большинство авторов предвоенных планов выступали за ведение оборонительных действий, и среди них проект Фуля отличался лишь деталями, суть которых состояла в создании фланговой позиции, ставившей под угрозу коммуникационную линию противника. При сравнении планов Фуля и взглядов Баркля надо сказать, что в основе их лежала однотипная концепция». Разница состояла в том, что Фуль настаивал на движении к Дрисскому лагерю, а Барклай допускал возможность «действовать по обстоятельствам»¹⁹. Таким образом Безотосный, основываясь на документах, доказал, что у российского командования, несомненно, был план предстоящей кампании, суть которого излагалась в записке Чуйкевича. Вместе с тем собранные им материалы свидетельствуют о том, что Александр I и Барклай первоначально планировали отступить только до Двины, то есть к Дрисскому лагерю²⁰.

Это подтверждают и события первых недель войны, когда русские Западные армии действовали именно по плану Фуля: 1-я отходила к Дрисскому лагерю, а 2-й и 3-й было приказано действовать неприятелю во фланг. Конечно, безукоризненно соблюдать движения, педантично-методически расписанные Фулем, было невозможно, но идея-то Дрисского лагеря принадлежала именно ему. Барклай писал Багратиону: «Воля госу-

даря императора не была, чтобы армии вкуче действовали, но были бы между собой в связи и одна другой, в случае нужды, подавала бы помощь..., стараясь всегда обходить неприятельские фланги, давая ему частые сражения и беспокоивая его непрерывно иррегулярными войсками»²¹.

Разумеется, отступить далеко в глубь страны не собирались, и районом, где следовало «изводить» противника были недавно обретенные «польские провинции». По словам Барклая, было решено «открыть кампанию отступлением к древнейшим нашим границам». Ивченко верно заметила, что в записке Барклая 1810 г. «речь идет отнюдь не о российских просторах». «Двина и Днепр, – писал Михаил Богданович, – составлять будут навсегда вторую оборонительную линию»²². «Без сомнения, план был, но думаю нерешительный и основанный на том, чтобы не оставлять у себя в тылу Литву», – вспоминал В.Р. Марченко²³. Как отмечал генерал-интендант Е.Ф. Канкрин, «до начала войны отступление наше, кажется, не предвиделось более Двины и не к Смоленску, почему за оною рекою мало было готовых магазинов»²⁴. Итак, отступление 1-й Западной армии изначально предполагалось завершить в Дрисском лагере. Но численное превосходство неприятеля оказалось столь большим, что вскоре русское командование было вынуждено внести изменения в план Фуля.

Превентивные меры российских властей

Еще Шведов обращал внимание на то, что реализация принятого плана сулила отступавшим не только преимущества, но и опасности: «Обширные провинции несут ущерб, перестают служить поддержкой армии. Боевой дух армии, всего народа испытывает серьезные удары. Он может быть подорван. Верховная власть может быть настолько ослаблена, что не сможет осуществить задуманный план разгрома неприятеля»²⁵. Сам Александр I признавал, что принятый отступательный план «неизбежно должен был возбудить неодобрения и порицания в народе, который мало понимал военное искусство»²⁶.

Кроме того, имелись и транспортные проблемы. Еще 1(13) июня Багратион получил предписание Барклая: «В случае отступления вверенной Вам армии, Вы заблаговременно обязаны озаботиться не оставлять неприятелю ни малейших способов к продовольствию, транспортировке его запасов и прочего». Багратион «предписал о сем литтерально [письменно] корпусным командирам и отдельных отрядов начальникам», но обратился к Барклаю с вопросом: «Каким именно средством не оставить неприятелю способов к продовольствию и транспортированию его запасов?». Если под этими словами «понимать истребление продуктов продовольствия огнем, а лошадей и волов, употребляемых для перевозки, взятием с собою при отступлении, то легко представить себе можете, какой подножный корм найдет армия..., какие иметь нужно средства к прикрытию того множества животных; время ли будет отделять для сего нарочитые команды; и наконец..., истребление продовольствия, не произведет ли особенного оскорбления в народе; и мы, в собственном краю, не сами ли приготовим неприятеля, вооружив против себя, не говорю помещиков, но самый народ?». Если же речь шла о перевозке продовольствия во внутренние губернии, то непонятно было, как именно это осуществить. «Магазейны казенные могли бы быть перевезены..., – полагал Петр Иванович, – но где взять даже и для сего подвод, занятых беспрестанно свозом реквизиционных требований и другими воинскими надобностями». Не было ясности и в том, какие меры можно принять против собственности тех людей, которые отдали реквизиции русской армии и теперь вряд ли что имели. «Я утвердительно сказать могу, – заявил Багратион, – что не достанет никаких способов к отъятию и истреблению всего, поелику и самые ужасные меры будут ничтожены пред пространством, по которому таковую операцию производить востребуется». «Я согласен, – ответил Барклай, – что на опустошение целого края не достанет нам времени... Но и оставлять неприятелю наполненные магазины, не только казенные, но и частных людей, значило бы подавать ему способы к успешному противу нас действию. Уни-

чтожить повозки и упряжь и угнать лошадей по линии, на которой отступают войска, есть мера нужная и необходимая. Я полагаю даже нужным испортить и самые мельницы»²⁷. Видимо, русское командование задолго до войны было готово применить «скифскую тактику».

Помимо военных приготовлений правительство предприняло превентивные меры против политически неблагонадежной польско-литовской шляхты в землях бывшей Речи Посполитой. Выявление и депортация ненадежного элемента в 1812 г. были тем более необходимы, что боевые действия планировалось вести на территории «польских провинций», не углубляясь в коренные русские земли. Эти мероприятия, в известной степени лишавшие противника возможности получать на месте важную информацию и материальные ресурсы, также можно отнести к «скифской тактике».

21 марта 1812 г. Александр написал министру полиции А.Д. Балашову: «Обстоятельства настоящего времени требуют, дабы обращено было особенное внимание на правила и образ мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний не весьма давно к России присоединенных». Губернаторам Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской, Киевской губерний и управителю Белостокской области предписывалось установить строгий контроль над жителями своих губерний и доставить императору «список тем лицам, которые ненадежны, с разделением их на две части, из коих в одной поместить сомнительных, а в другой совершенно подозрительных». «Нельзя прямо указать на кого-нибудь, что тот сомнителен, а другой совершенно подозрителен, – сообщил при этом Балашову гродненский губернатор В.С. Ланской. – Я однако же не смею никак ручаться во всегдашней верности. Известная гибкость здешних умов с переменою обстоятельств, нам неблагоприятных, тотчас изменит нам». Ланской предвидел, что в случае отступления русской армии «во внутрь пределов наших, все против нас восстанет со всех сторон»: «Я утвердительно могу говорить о сем... по совершенному знанию наклонности умов здешних; в одних из них действовать будет энтузиазм патриотизма, свойственный каждому благомыслящему, потерявшему свое отечество, в других алчность обогатиться грабежом, в третьих боязнь от своих собратий». Ланской заключал, что «если ход дел будет для нас удачен, они приверженцы наши, – в противном случае, наши враги волею и неволею». Волынский губернатор М.И. Комбурлей выслал в Петербург фамилии 9 землевладельцев, «навлекших на себя явное подозрение», и список «подозреваемых» помещиков, указав в нем 88 человек. Наиболее подозрительным из них, «которые по богатству или влиянию их на других могли бы быть вредными для общего спокойствия», он рекомендовал покинуть губернию, угрожая в противном случае насильно их депортировать. 28 мая (9 июня) Багратион предписал Комбурлею наблюдать за неблагонадежными, а 31 мая (12 июня) – представить список «тем земским и гражданским чиновникам, которые имеют хотя малое понятие о земле». «Помещики, дети их и шляхта, ведут себя тихо, скромно и осторожно, – доносил киевский генерал-губернатор, – так что образа их мыслей ни как проникнуть не возможно». Однако он все же представил «список совершенно подозрительных», включив в него 4 фамилии²⁸.

Перед самой войной император приказал также губернаторам, «чтобы земских чиновников, могущих дать неприятелю понятие о способах земли, при отступлении увести с собою, равно как инвентари, списки, статистические и другие сведения, могущие руководствовать неприятеля в соображении для налогов». Багратион тогда же выразил сомнение, хватит ли времени, чтобы собрать всех этих людей, и будет ли польза от исполнения данного приказа. «Кроме сих чиновников, сколько в краю людей, могущих дать полное понятие о земле и способах ее? – писал он. – Редкий помещик не в состоянии дать достоверное сведение о целом уезде, редкий эконо даже»²⁹. Тем не менее русское правительство заблаговременно отправило во внутренние губернии наиболее влиятельных и опасных помещиков и информированных чиновников (правда, некоторые из них убежали из-под стражи или были освобождены наступающими наполеоновскими войсками).

Применение «скифской тактики»

Сразу после получения известия о переходе неприятеля через границу Барклай разослал циркуляр командующим армиями и отдельными корпусами, предписав им истреблять продовольственные запасы и перевязочные средства. 13(25) июня Багратион известил Барклая, что Кобринский и Пинский магазины будут истреблены, «мосты и переправы между мной и 3-й армией подвергнутся той же участи». Позднее генерал А.В. Запольский сообщил Багратиону об уничтожении всех переправ чрез р. Припять от Пинска до Мозыря. 14(26) июня генерал М.И. Платов потребовал от правителя Белостокской обл. и от генерала И.Д. Иловайского 4-го, «чтобы все земские чиновники, могущие дать хоть малое понятие о земле», из Белостокского и Сокольского поветов «увезены были с собою... и чтобы во время того же отступления забрать с собою же из архивов все списки и статистические сведения, кои неприятелю могут служить к соображению нужных реквизиций и налогов». К рапорту прилагался список 47 чиновников Вельского и Дрогичинского поветов, которых следовало депортировать. На другой день Багратион велел Платову истребить мост в местечке Мосты и забрать «продовольствие на значительное число подвод, коих отправлял бы вовнутрь земли». Вопреки заявлению губернатора Ланского, «что все казенные суммы и прочее готово к вывозу», ничего подготовлено не было. 15(27) июня Платов сообщил: «Заботюсь о вывозе всего того из Гродно, что здесь собрано было с земли для продовольствия войск, и особенно вещей, казне принадлежащих, дабы не оставить воспользоваться ими неприятелю». Казаки сожгли большой магазин зерна и муки в Меречи. На следующий день Платов написал, что с «великим затруднением» вывез из Гродно разного рода запасы, снял мосты на р. Лососне, испортил мост через р. Неман, отправил чиновников, но из них кто-то мог и остаться; и если не успеет увезти сложенный у с. Червленого провиант, то сожжет его. Из дальнейшей переписки Багратиона с Платовым видно, что уничтожению подлежали имевшиеся на Немане барки с провиантом, мосты в местечках Белице, Воложине, Колодзине, Николаеве, Уречье. В г. Лида Платов «товар сапожной, сукно, сухари и овес, как не на чем вывезть отсюда, приказал полкам разобрать, чтобы не оставить ничего неприятелю, мука же и сено, какое осталось, преданы огню». 19 июня (1 июля) Багратион потребовал от Иловайского, чтобы тот постарался в Слониме «из казенного магазейна все забрать на подводы и увезти с собою, а затем остальное истребить», в том числе и мосты. По приказу Багратиона хорунжий К. Рышкин «зажег казенные хлебные магазины» у Приборовской заставы, но на другой день поляки перешли через границу и собрали «в сгорелых магазинах пшеницу». Русские сожгли паромы в местечках Орлы и Белица, понтон в Николаеве. 24 июня (6 июля) Багратион приказал минскому губернатору вывезти запасы и все казенное имущество в Бобруйск, а на случай, если он не успеет сделать этого, иметь «верных чиновников, которые бы в нескольких местах зажгли те магазейны, чтобы потушить их не осталось возможности, равно как и амуницию и прочие вещи казенные... прикажите жечь»³⁰.

В Вильно русский арбергард сжег провиантский магазин, транспорт муки, который не мог следовать далее из-за худобы лошадей, и арсенал, наполненный оружием. Тельшевский и Шавельский магазины вывезли войска генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна. Были истреблены магазины в Вилькомире, Михалишках, Свенцянах, Колтынянах (всего уничтожено провианта на 1 млн руб.) и Глубоком. 15(27) июля уничтожены мосты через р.Двину у д. Тверичи и в Динабурге, 16(28) июля русские предали огню магазины в Девельтове. 17(29) июня Александр I приказал, «для облегчения как людей, так и обоза брать обывательских лошадей под своз амуниции и припрегать к обозу», а для продовольствия войск забирать мясо и вино от обывателей под квитанции³¹.

С началом войны высшая полицейская власть в Волынской губ. перешла к генералу от кавалерии А.П. Тормасову. 22 июня (4 июля) он потребовал от Комбурлея продолжения надзора над подозрительными лицами, предоставления списка чиновников, «дабы в случае отступления нашего, их всех с собою можно было увезть для того, чтобы неприятель нигде не мог найти таких людей, чрез коих мог бы сделать свои распоряже-

ния и взять с земли реквизицию». Следовало также вывезти архивы. Тормасов согласился с предложением губернатора раздать поселянам хлеб, находившийся в запасных сельских магазинах, чтобы, «на случай нашествия неприятеля, не послужил тот хлеб в пользу его». 17(29) июля Александр I разрешил удалить из Волынской и Подольской губерний «как людей сомнительных по каким-либо отношениям, так и тех, кои по обширности имущества своего... таковой же будут подлежать предосторожности». В течение июля из губернии депортировали несколько «сомнительных» помещиков из г. Бердичева и Владимирского повета. Во время рейда в герцогство Варшавское кавалеристы генерал-майора К.О. Ламберта забрали всех польских чиновников и архивы из городов Хрубишов, Крылов и местечка Хродло. 15(27) августа исправник увез из Владимира-Волынского казенный провиант на 5 550 подводах (оставшаяся в магазине мука была сожжена)³².

Каковы были результаты этой тактики? Подполковник Ф.В. Лоссберг отметил, что на восстановление уничтоженного русскими моста через Неман в местечке Белице потребовалось 2 часа. В Вильно русские сожгли деревянный мост через р. Вилию и громадные магазины со всякого рода запасами, но один продовольственный склад на 60 тыс. рационов все же уцелел. «Перед отступлением русские подожгли депо, набитые мешками с овсом и зерном, – вспоминал карабинер Ж. Абель. – И это при том, что после оставления Пруссии мы совсем не находили зерновых культур. Тогда люди, не смотря на огонь, влезали в хлебные амбары, чтобы вырвать горящие мешки – “аппетит есть лучшая из приправ”. Я поместил полмешка овса на свое животное; я предпочел увидеть его павшим под этой ношей, чем оставить его умирать от голода»³³.

2 июля маршал Ж. Мюрат докладывал Наполеону: «Солдаты не имеют абсолютно ничего и не находят ничего; все деревни или лучше сказать все риги заброшены, и это является со стороны неприятеля хорошо установленной системой все разрушать и все сжигать, чтобы лишить нас всех видов запасов». На следующий день он сообщил из Свенцян: «Неприятель продолжает сжигать свои магазины; три сожжены сегодня здесь, а вчера три других были сожжены в Колтынянах... Город полностью опустошен. Русские грабят все систематически, увозя весь скот, равно как и лошадей, так что мы не находим абсолютно ничего». В городе остался лишь небольшой магазин ржи и несколько бочек пива. «Там, куда мы приходим, – писал 3 июля родителям солдат Харпрехт, – все опустошено, как стаями саранчи, казаками, которые побывали здесь перед нами, а делать фуражировки на стороне мы не имеем времени. Мы еще не сражались, так как противник, с которым мы часто сближаемся на несколько сотен шагов, каждый раз отступает»³⁴.

Единственным средством борьбы со «скифской тактикой» была быстрота наступления. 6 июля маршал Ш.Н. Удино велел командиру 24-го конно-егерского полка О.Ж. Амею захватить русский магазин в Вижунах. Посланный туда брат полковника, шеф эскадрона Амей захватил магазин с большим количеством муки, ржи, овса, риса, проса, ячменя, ячневой крупы и т.д. В тот же день солдаты польского 5-го конно-егерского полка обнаружили в местечке Мосты значительный обоз ржи и медикаментов. При оставлении Минска российский губернатор вывез часть казны, госпитали и транспорты, приказав комиссионеру Рейфельду сжечь магазины, в которых оставалось 4–5 тыс. четвертей муки, круп и овса и 15–17 тыс. пудов сена, «но оный комиссионер сего не учинил и ничего не сжог», «да за неимением подвов не могли вывести медной казны около 20.000 рублей денег». 8 июля маршал Л.Н. Даву доносил из Минска, что русский офицер приехал сюда с приказом Багратиона сжечь магазины, но благодаря доброй воле горожан и подкупу ими чиновников, их удалось спасти. 15(27) июня русские подожгли мост в Тирасполе, 18(30) июня оставили Брест-Литовск и подожгли мост и магазины возле города, а также в Речице. Они предали огню все магазины вдоль Буга вплоть до Дубенко, а также в Гране, Дрогичине и Семятичах (20 июня (2 июля)). Наступавшие австрийцы отметили, что казаки разрушают все мельницы на их пути, и вынуждены были направлять пионеров для их восстановления. Разведка обнаружила «казаков, которые, отступая, конвоируют губернаторов, комендантов и других лиц».

Полковник А.Ш. Меда из корпуса Даву донес начальству, что прогнал партию из 20 казаков, приехавших грабить ферму Дятки, намереваясь сжечь магазин. Узнав, что в местечке Вольма имеются большие магазины, Меда поспешил туда, но увидел лишь их обгоревшие остатки магазинов. 30 казаков, осуществивших поджог, «отступили в Попельники и Рубежевичи, чтобы проделать ту же операцию». Впрочем, 25 июня (7 июля) в Камне Меда нашел 3 тыс. рационов хлеба и быков, которых распределил между своими кавалеристами. Тогда же бригадный генерал Э. Бордесуль докладывал, что в Николаеве «русские сожгли два больших паром», «разломали все лодки, которые находились на этой реке на расстоянии многих миль», и разрушили мост через Березину. Это было делом рук казаков Платова. Наступавший на местечко Михалишки дивизионный генерал Э. Нансути, командовавший 1-м корпусом кавалерийского резерва, сообщал, что русские сжигают или разрушают мосты, и «не имеется никаких запасов, так как русские все увозят»: «Мы не находим ни зерна, ни муки, ни овса для лошадей». В местечке Свислочь русские сожгли мост, в Несвиже, Слуцке, Борисове – огромные магазины³⁵.

Французы констатировали, что русские уничтожили магазины в Вилькомире, Острове, Великих Луках, Псове, Дриссе и Самогитии. 23 июня (5 июля) прусаки послали 2 эскадрона гусар в Шавли, чтобы помешать русским сжечь магазины, но патруль из 60 казаков успел это сделать. Когда 1(13) июля солдаты дивизионного генерала О. Себастьяни заняли левобережную часть г. Друя, они почти не нашли там съестных припасов; генерал сообщил, что русские сожгли несколько магазинов в местечке Коплы. «Неприятель эвакуировал свой укрепленный лагерь в Дриссе и сжег все свои мосты и огромное число магазинов», – написал Наполеон 19 июля. Фурьер 127-го линейного полка Кранц жаловался в письме к родителям, что солдаты сильно страдали от голода, «поскольку противник при своем отступлении все поджигает и опустошает»³⁶. Лейтенант К. Курц вспоминал, что за Неманом «дорога была жалкой, леса глухими и печальными; в дурно построенных городах и деревянных деревнях, покинутых своими жителями, не замечали мы никакого иного человеческого существа, кроме грязных польских евреев»: «Разрушительный принцип, принятый противником, который перед нами все опустошал или забирал с собой, вскоре начал приносить свои печальные плоды; потому что недостаточное и зачастую жалкое испорченное питание не могло продлить солдатам их трудное существование... Все, что только могло быть мало-мальски пригодно для нашего существования, уничтожалось, или увозилось с собой. Мы нигде не встречали жителей; они бежали со своим движимым имуществом в бесконечные леса Литвы... Русские действовали против нас так, как когда-то парфяне против римлян под командой их полководца Красса»³⁷.

Таким образом принятая российским командованием «скифская тактика» с первых же дней войны наносила серьезный удар по состоянию неприятельской армии, но при этом русские войска уничтожали свои собственные запасы, стоившие немалых средств. В 4-м бюллетене Великой армии указывалось, что «все магазины первой, второй и третьей линии, результат двух лет забот, стоимостью более двадцати миллионов рублей, были преданы огню или попали в нашу власть». «Огромные магазины, которые русские имели в Самогитии, сожжены ими: громадная потеря не только для их финансов, но и для снабжения народа», – сообщал 5-й бюллетень. Отчасти это было следствием того, что русское командование лишь перед самым началом войны отказалось от наступательных планов и не имело ни времени, ни транспортных средств для удаления магазинов от границы. «Сколько магазинов вы уже сожгли, и для чего? – спрашивал 28 июня Наполеон Балашова. – Или их вовсе не нужно было устраивать, или воспользоваться ими согласно с их назначением»³⁸.

На первом этапе войны кое-что попадало все же в руки наступавших. 3 июля авангард Нансути захватил около Свири 40 повозок, нагруженных водкой, 8-го возле Михалишек – еще 50 повозок с водкой. В Минске Даву нашел 300 тыс. фунтов муки, большое количество овса, 1 500 фунтов пороха. Кроме того, были захвачены: 11 июля бригадным генералом Э. Кольбером в Вилейке – 160 бочек муки (500 кг каждая), 180 бочек

сухарей (30–40 тыс. рационов), большое количество ячменя, овса, сена, около 4 500 бутылок водки, сукно, холст, котелки, фляги и 20 бочонков медной монеты; 13 июля капитаном А. Вандуа с 50 конными егерями в местечке Холуи – парк из 150 повозок с боеприпасами (60 мильеров пороха), 18 орудий, 210 артиллеристов, 300–400 двуколок и 600 лошадей; 18 июля в Старом Лепеле кавалеристами дивизионного генерала Э. Груши – значительные магазины (753 мешка муки, 327 бочек сухарей, 69 мешков крупы, 164 мешка овса, 1 020 пудов сена). В Борисове обнаружили громадное количество соли и боеприпасы. Прусские кавалеристы из отряда бригадного генерала Э. Рикара в Поневеже спасли от сожжения 30 тыс. ц муки. Австрийцы взяли большой магазин в местечке Пинскори³⁹.

«Скифская тактика» применялась и в белорусских губерниях. Белорусский генерал-губернатор А. Вюртембергский велел спустить все суда и паромы из Орши, Бабиновичей, Копыса, Могилева в Рогачев или сжечь их, снять мост в Могилеве и уничтожить запасы. 18 июля Мюрат сообщил, что русские сожгли мосты и магазины в Динабурге, Друе и Дриссе. В Дисну прибыл флигель-адъютант царя полковник С.С. Потоцкий, который приказал увезти деньги в Псков и сжечь магазины, что и было исполнено. Из местечка Ушачь русские эвакуировали магазин в Полоцк, возле которого 9(21) июля сожгли мосты, подожгли магазин с мукой, часть которой сбросили в реку. Казаки также разрушили подвижной мост в Будилове. 13(25) июля Понятовский сообщил, что русские уничтожили все средства для переправ от Минска до Мозыря. 15(27) июля в Витебске и его окрестностях были сожжены магазины с английскими товарами (сеном и продуктами). По приказу Баркляя витебский губернатор И.О. Лешерн 10(22) июля велел перевезти в Велиж, где собирались устроить магазин для 1-й армии, провиант и фураж из Невеля, а сухари и овес из Великих Лук. По словам су-лейтенанта Ч. Ложье, со времени перехода через Неман армия уже уменьшилась на треть, что «следует, конечно, приписать недостатку провианта, происходящему от запаздывания в подвозе, истреблению русскими всяких источников продовольствия». В армии распространялась дизентерия⁴⁰.

Для противодействия русской тактике неприятель посылал свою кавалерию далеко вперед. 6(18) июля Кольбер выслал из Коханово полковника Ж.А. Хассельта с 2 скадронами голландского шволежерского полка гвардии, чтобы спасти магазин в Орше. Этот отряд прибыл в город в 2 часа 8(20) июля, захватил магазины сена, овса, муки, водки и взял в плен русского подполковника, который привез приказ об их сожжении. Капитан А. Калькоен написал в дневнике: «Мы захватили транспорт из 14 повозок, нагруженных сахаром, кофе, перцем и имбирем». Ординарец императора М.К. д'Опуль нашел в Ушачи некоторое количество зерна, ржи, ячменя и овса. 10(22) июля Наполеон сообщил дивизионному генералу Е. Богарне, что Груши «охраняет Оршу, где имеются большие магазины, потерять которые было бы несчастьем». «Говорят, – добавлял он, – в Бешенковичах также имеются значительные магазины. Если удастся их сохранить, это будет большая удача». На следующий день бригада итальянских конных егерей исполнила его пожелание. В Лепеле войска Богарне захватили 600 мешков муки, 300 мешков овса, сухарей, зерна и много водки⁴¹.

Две бригады под командованием бригадного генерала Ф. Гийома де Водонкура 17(29) июля были направлены в Сураж, чтобы попытаться отрезать русский арьергард и спасти магазины, но повстречали лишь нескольких казаков, которые разбежались, оставив французам около 150 повозок, нагруженных продовольствием. Остальные магазины русские сожгли⁴². В тот же день Богарне послал в Усвят бригаду генерала Ж. Триэра, которая 30 июля настигла русский «обоз из 200 повозок, нагруженных ячменем, рожью и мукой», сопровождавшие его 30 солдат и офицер попали в плен⁴³. 2-й итальянский конно-егерский полк напал в Велиже на русский обоз, взяв 55–60 повозок с боеприпасами, 500–600 мешков муки и большое стадо быков⁴⁴.

19(31) июля баварская кавалерия прошла через ряд деревень, разогнав вооруженных крестьян и захватив несколько магазинов. Одна бригада расположилась в поместье Коряки, «которое оказалось уже основательно разрушенным, и откуда почти все

продукты были увезены». «Должно быть, – отмечал очевидец, – русские войска были виновниками этого, но кажется скорее, что оно было преднамеренно приведено в такое состояние самими обитателями». Другая бригада баварцев подошла к Поречью, охваченному огнем. Сюда прибыл и бригадный генерал Н.Ф. Руссель, сообщивший: «Этот город опустошен русскими, жители большей частью покинули его. Здесь находятся несколько крестьян, которые, кажется, стали жертвой пламени. Огонь с моста перекинулся на дома». 20 июля (1 августа) баварцы вступили в город, правобережная часть которого вместе с магазинами была обращена в пепел; жители покинули и левый берег, почти не оставив продуктов⁴⁵.

По воспоминаниям А.П. Ермолова, в Поречье «комиссионер, в похвальном намерении не допустить неприятеля воспользоваться магазином, сжег его»: «В нем находилось несколько тысяч четвертей овса и 64 тысячи пудов сена». Барклай был недоволен «восхваляемою расторопностью». Когда Ермолов выяснил, что магазин был учрежден всего две недели назад, и в нем не могло быть столько запасов, то сообщил Барклаю: «За столь наглое грабительство достойно бы вместе с магазином сжечь самого комиссионера»⁴⁶.

16(28) июля в Быхове крестьяне сообщили Бордесулю, что казаки грабят их поместье. Генерал послал туда отряд, который убил трех и взял в плен шестерых казаков. 19(31) июля Нансути написал из Трубилово, что мосты на Каспле разрушены, а пройденные деревни опустошены. «Русские говорят жителям, что они не принадлежат более России, а потому их можно грабить». Полковник Г.С. Жищевский 25 июля (6 августа) доносил начальству из местечка Затони: «Казаки, по своему обыкновению, грабят все дома, которые они встречают при своем прохождении. Они захватили многих частных лиц, среди прочих господ Пиотровского и Мекевича»⁴⁷.

Даву приказал своему адъютанту полковнику Ф. Кобылинскому по прибытии в Могилев попытаться раздобыть карту губернии, а также допросить всех, прибывших с правого берега Днепра, о количестве запасов продовольствия и кожи, содержащихся в городе, и попытаться закупить 600 тягловых и кавалерийских лошадей⁴⁸.

В Могилеве и в других районах Белоруссии польское население радостно встречало наполеоновских солдат. Так, чиновник воинской полиции П.А. Шлыков доносил, что «неприятель во всех местах принимается от жителей с знаками их удовольствия, но даже и там, где нет его, а только ожидается, они как бы встречают гостей, толпясь в той стороне, откуда ожидают его прихода, и из жителей противных сему, есть весьма малая часть». Шлыков велел обывателям Бешенковичей перевезти 2 800 четвертей муки и 3 200 четверти овса на другой берег реки, но те отказались. 5(17) июля туда явились поляки-дезертиры из русской армии, потребовавшие перевезти магазин обратно через реку и печь хлеб, «что жителями тотчас и было исполнено». Когда в Бешенковичи пришли казаки, чтобы сжечь магазины, жители не позволили этого сделать. По словам Шлыкова, в Орше неприятель взял «магазин провиантский и бывшее там в большом количестве сено», а также паром и лодки⁴⁹.

Вторая стратегическая пауза

Политические соображения толкали Наполеона на продолжение кампании и достижение победы в генеральном сражении, но состояние его армии было плачевным. Император был вынужден приостановить наступление.

1(13) июля О. Себастиани доложил своему командиру 2-го корпуса кавалерийского резерва Л.Б. Монбрёну: «Лошади дивизии находятся в плачевном состоянии; сегодня 42 умерли от истощения. Я прошу Вас представить его величеству королю состояние, в котором находятся лошади». Неудачу в бою под Инково Себастиани объяснял тем, что лошади «были в таком состоянии худобы и истощения, что добрая четверть была не в состоянии совершить атаку». Адъютант Барклай майор В. Лёвенштерн, за неделю до этого побывавший в лагере Себастиани, писал: «Жаль было смотреть на эту кавалерию по сравнению с нашей. Самые сильные взводы имели 7 или 8 рядов... Эти

эскадроны издавали смрадный запах; все лошади были изранены седлами и походили на знаменитого Дон-Кихота»: они «были худы, как клячи. Я заключил из этого, что их кавалерия была уже истощена и дойдет вскоре до полного изнурения»⁵⁰. В полках драгунской дивизии генерала А. Лауссэ осталось по 300 коней. Нансути доносил начальнику штаба резервной кавалерии дивизионному генералу О.Д. Бельяру, что его полки «поразительно растаяли», к 26 июля (7 августа) в двух кирасирских дивизиях его корпуса осталось 3 846 человек. 22 июля (3 августа) император приказал сформировать в Лепеле главное депо кавалерии, куда направлялись безлошадные кавалеристы и хромые лошади. Убыль коней в кавалерии была опасной; масса лошадей имела натертую седлами кожу или охромела. Уже тогда в эскадронах появились крестьянские «koniki». Мюрат и Бельяр прямо заявляли, что кавалерия находится на последнем издыхании⁵¹.

Вследствие сбоев в организации снабжения, непрерывных маршей без хлеба (часто и без возможности приготовить пищу), нехватки времени на поиски запасов лишения неприятельских войск были неслышанными. Изнурение солдат приводило к массовому отставанию ослабевших. На армию обрушились болезни. «В течение более четырех месяцев, – вспоминал сержант Корнике, – мы помещали четыре горсти черной муки в котелок с водой и ели этот клейстер почти постоянно без соли. Вскоре все мы, от офицера до солдата, были поражены очень беспокойной болезнью, какой являлась дизентерия»⁵².

17(29) июля Наполеон сообщил о своем намерении «дать армии отдых на 7–8 дней, чтобы организовать магазины». 21 июля (2 августа) он велел выяснить, сколько людей находится под ружьем. В центральной группировке по переключке оказалось около 210 770 человек. До начала войны она насчитывала 287 761 человек, следовательно, убыль составила 77 тыс. (¼). В корпусах, действовавших отдельно, из прежних 117 тыс. оставалось 95 тыс. Еще около 10 тыс. человек было оставлено на коммуникациях. Таким образом, из 410 тыс., перешедших границу, в распоряжении Наполеона имелось уже не более 316 тыс. боеспособных солдат. Общие потери составили 94 тыс. человек (почти 23%), из которых всего 12 тыс. убитых, раненых и пленных, а остальные – больные, умершие от болезней и изнурения, отставшие и дезертировавшие⁵³. За время отдыха на Двине и Днепре эти потери уменьшились в самом лучшем случае до 20%.

Тем временем российское правительство развернуло в коренной России религиозную пропаганду. Согласно царским манифестам, подписанным 6(18) и 18(30) июля, начали формироваться губернские ополчения. 1(13) августа было обнародовано обращение Барклая к «Обывателям псковским, смоленским и калужским». Главнокомандующий уверял «истинных сынов отечества, верных подданных монарху своему», что русские армии, соединившиеся «на древних рубежах наших», готовы атаковать неприятеля, который «обратился ныне к неистовствам всякого рода». «Партии или, лучше сказать, разбойничьи шайки его, нападая на безоружных поселян... грабят и жгут дома их, – говорилось в воззвании, – оскверняют храмы Божии, оскорбляют разными ругательствами священнослужителей их». Барклай призывал жителей, «достойных имени русского», «карать злодеев без всякой пощады». 27 июля (8 августа) он объявил в приказе по 1-й армии: «Неприятель, вошедший в Смоленскую древнюю российскую губернию, опустошает земли, делает все рода насилии жителям и убивает их, и что еще жесточае, ругается святынею, грабит церкви и делает из них неприличное употребление. Русские солдаты должны отмстить злодеям, истребляющим православную веру их, и Бог будет им помощником»⁵⁴. Такое обращение было возможно лишь при полной уверенности в ответном отклике населения, о чем ранее думать не приходилось.

Офицеры Великой армии осознавали опасность продолжения кампании в условиях народной войны. «Многие усмотрели в нем призыв к бесконечной войне... – писал лейтенант О. Рёдер фон Бомсдорф о том впечатлении, которое произвел манифест Александра I 6(18) июля на французских офицеров. – Как и когда, говорили они, будет закончена борьба с самодержцем девятой части земли... который призвал свой народ к сопротивлению, который сравнивает нас с тиграми и волками, и призвал своих поддан-

ных истреблять нас любимыми находящимися в их распоряжении средствами... Благодаря этой прокламации нам стала ясна та система, исполнение которой мы уже тяжело ощутили, еще не дойдя до старой русской границы, и которую до сих пор мы считали лишь случайностью. Это правда, что наша армия больше..., но разве мы не удаляемся ежедневно от наших ресурсов, в то время как русские приближаются к своим? ...Разве не имеем мы уже сейчас нужду во всем необходимом, болезни в изобилии и треть непригодной кавалерии? Найдем ли мы, кроме как в столь редких городах, жителей или хотя бы только средства существования на один день? Разве не похожи наши магазины на призраки, о которых каждый говорит, и которых никто не видел?»⁵⁵.

В это же время русские распространили среди солдат Великой армии листовки, призывавшие их дезертировать. Наполеон был неприятно поражен такими шагами Александра I. «Эти манифесты, – вспоминал Коленкур, – не оставляли сомнений в том, что он хочет превратить войну в национальную. Печатные листки за подписью Барклая, подброшенные на наши аванпосты, доказывали, что он не очень щепетильно разбирался в применяемых средствах, так как в этих листках французов и немцев призывали покинуть свои знамена, обещая устроить их в России. Император Наполеон был, по-видимому, этим удивлен: “Мой брат Александр не считается больше ни с чем, – сказал он, – я тоже мог бы объявить освобождение его крестьян”»⁵⁶. Александр I провозгласил «национальную войну», а что это означает, французы уже хорошо узнали в Испании. По словам секретаря императора А. Фэна, эти выражения ненависти, «удивляли и беспокоили» Наполеона. Как отмечал Коленкур, 13(25) июля «император впервые обратил внимание на то, что мы наблюдали уже в течение двух дней: все жители бежали из города, дома были абсолютно пустыми, и все доказывало, что эта эмиграция осуществлялась систематически, согласно распоряжениям, недавно изданным правительством». Генерал К.Э. Гюйо записал 15(27) июля: «Народ покидает деревни на нашем пути... Русское правительство сделало войну национальной; как бы нам от этого серьезно не пострадать»⁵⁷.

Ужесточение «скифской тактики»

При вступлении в старорусские земли солдаты Великой армии сразу же ощутили ужесточение «скифской тактики», которая теперь превратилась в тактику «выжженной земли». Гвардеец Ж.М. Шевалье вспоминал, что от Ляд до Красного, «продвигаясь по стране, мы находим все деревни опустошенными и покинутыми»: «Стада уведены, дома разграблены и зачастую сожжены, повсюду разгром и опустошение; если мы встречаем поместье, там все разбито, разграблено, опустошено, сожжено. Барклай и Багратион позаботились, чтобы все деревни, где они проходили, были эвакуированы, разграблены и сожжены. Таким образом именно сами русские грабят и поджигают свою собственную страну. Подобно варварам, они безжалостно все опустошают, неся повсюду железо и огонь, а французам осмеливаются говорить о доброте русских, об их кротости, и говорят, что мы, французы, являемся грабителями». Русские войска подожгли Петербургское предместье Смоленска. «Французская армия, – писал Шевалье, – вступила в город и приложила все свои усилия, чтобы остановить продвижение огня и спасти многочисленных русских раненых, которых пожирало пламя, и которых москвиты покинули с подлой жестокостью. Их свезли в дома, которые пощадило пламя, вперемешку с нашими ранеными. Таким образом, несчастные русские, повинувшись варварским приказам императора Александра, поджигали свои дома и своих собственных раненых... Александр отдал своей армии приказ разрушать и сжигать все на своем пути, угонять всех жителей, которые безропотно покорялись, как презренные рабы, уходили со своими семьями в густые леса»⁵⁸.

Шеф эскадрона Д. Хлаповский утверждал, что «во время отступления от Смоленска сами русские жгли села и призывали жителей, забрав имущество, лошадей и скот, уходить далее за Москву»: «От Смоленска лошадей кормили только свежескошенной рожью. В Литве и Белоруссии мы еще находили овес, который нам охотно

давали крестьяне. От Смоленска же не только русские все забирали и заставляли жителей уходить, но и сама местность была безлюдная и бедная»⁵⁹. «Все деревни были покинуты, – вспоминал лейтенант К. Ведель, – все запасы уничтожены, стоявшие на полях копны сена и вся солома – сожжены... Мы терпели в это время большую нужду, так как русские сжигали или портили все, что они не могли увезти»⁶⁰. «Фураж для ежедневной дачи лошадям прямо срезался в полях, готовых к жатве, – вспоминал шеф батальона Д.Ж. Эренс. – Казаки регулярно по утрам заявляли о своем отступлении, предавая пламени занимаемые ими деревни. Все строения были деревянные, причем особая сухость погоды способствовала огню, а потому нашему авангарду очень редко удавалось спасти что-либо от пожара. Продовольствие уменьшалось, и можно было достать только один хлеб»⁶¹. 14(26) августа капитан Б. Каstellан отметил в дневнике: «Дорогобуж разграблен и подожжен перед нашим прибытием»⁶². Майор К.Ф. Леруа видел, что город был оставлен жителями, а рынок и магазины – преданы огню⁶³. По словам Шевалье, «огонь, который одновременно вспыхнул во многих местах, распространился по оврагам и возвышенностям, на которых располагался город. Пламя и дым возвышались в круговороте, и тотчас вся гора превратилась в огромный пылающий вулкан, а все окрестные деревни представляли ту же картину истребления руками варваров»⁶⁴. «Теперь мы находились в собственно России, – вспоминал карабинер К. Шель, – где на всем нашем пути не видели более ни одного дома, так как русские сжигали все свои жилища, если они должны были их покинуть... Отныне дела мало-помалу становились все более отвратительными. Хотя раньше нерегулярное продовольственное снабжение также было досадным явлением, но все же вручалось немного мяса и хлеба, и когда что-то отсутствовало, выручал мой мешок с мукой... Но теперь все стало намного хуже»⁶⁵. Сержант В.А. Фоссен констатировал, что «с этой поры начались военные тяготы и лишения уже не на шутку и все увеличивались с каждым днем», а «о раздаче жизненных припасов более нечего было и думать»⁶⁶.

«Неприятель не оставлял за собою ни одного человека, – утверждал Коленкур, – разрушал свои склады, сжигал свои казенные здания и даже большие частные дома. Многие думали, что пожары... были результатом беспорядков, как в нашем авангарде, так и в казачьем арьергарде». Чтобы убедиться, действительно ли русские поджигают свои селения, Наполеон 17(29) августа направил вперед дивизионного генерала О. Коленкура «с жандармами, чтобы охранять в городе продовольствие». «Отряд моего брата вступил в Вязьму попеременно с егерями, – рассказывал А. Коленкур. – Город уже горел в нескольких пунктах. Брат мой видел, как казаки зажигают горючие материалы, и нашел эти материалы в различных местах, где пожар начался до того, как из города ушли последние казаки... Мы убедились, что все меры для поджога и распространения пожара были приняты казачьим отрядом арьергарда задолго до нашего прихода, и поджог был сделан, как только показались наши войска... Эти факты, о которых сообщали уже раньше некоторые жители других городов и местечек, но которым мы отказывались верить, подтверждались затем на каждом шагу. Все были поражены... этим новым типом войны». Два батальона были направлены потушить пожары и спасли некоторые запасы продовольствия. По свидетельству дивизионного генерала Ф. Роге, покидая Вязьму, русские подожгли магазин с мукой, откуда огонь перекинулся на базар; четверть домов стали жертвой пламени. Тем не менее французы нашли в городе значительные запасы муки, мыла, лекарств и водки. «29-го мы прошли Вязьму, – записал лейтенант П. Константэн. – Она была обращена неприятелем в пепел, так же как почти все поселения, деревни и хутора, которые находились на нашем пути после того, как мы вышли за границы Литвы. Русские, отступая, сжигают все, и даже принуждали население целиком покидать страну и увозить или уничтожать все местные запасы, которыми могла бы снабжаться наша армия»⁶⁷.

«Возле Вязьмы, маленького города, который казаки разграбили и подожгли», то же зафиксировал и Гюйо: «Они имеют приказ уводить население, скот и т.п. по всей дороге и в окрестностях до 10 лье в окружности; также не встречается ни одного обитателя, за исключением тех, которые скрываются в лесах со своей добычей, продуктами и т.д.;

они объединяются и даже обороняются против наших небольших разведок»⁶⁸. «Русские думают, – написал из-под Вязьмы лейтенант Ю. Льоте, – что смогут заставить голодать нашу огромную армию, истребляя магазины и увозя с собой жителей. Тем не менее на всех биваках видны перья куриц и гусей. Если отсутствует хлеб, то это потому, что мы не имеем времени выпекать его из муки, которая имеется в этих областях, но мясо имеется в избытке»⁶⁹.

Гжатск русские войска также пытались поджечь, но он каким-то чудом уцелел от пожара (вероятно, этому помешал дождь). Хирург Л. Ланьо отмечал, что город был покинут жителями, но оккупанты «нашли запасы, главным образом зерно, которые неприятель не имел времени сжечь»⁷⁰. По словам Коленкура, Наполеон делал вид, что смеется над таким образом действий, так как «хотел предотвратить порожаемые этим страшным приемом борьбы серьезные опасения о последствиях и продолжительности войны, во время которой неприятель с самого начала шел на такие жертвы»⁷¹. В 17-м бюллетене он заявлял, что именно русские «предали огню Дорогобуж, Вязьму, Гжатск», а «французам удалось их потушить», поскольку «французы не заинтересованы поджигать города, которые им принадлежат, и лишать себя запасов». «Русские, отступая, сжигали города, деревни и поля на дороге и в трех–четыре лье справа и слева, – записал в дневнике Константэн, – они все обращали в пепел»⁷². «Отступая к Москве, – писал солдат Л. Шено, – русские сжигали по дороге города и деревни на расстоянии 9–10 лье от нее, так что мы и надеяться не могли достать что-либо для пропитания людей и лошадей»⁷³. Таким образом, пространство до 40 км по сторонам от Смоленского тракта стало «мертвой зоной». Данная тактика оказалась весьма эффективной – снабжение неприятельских войск резко ухудшилось. Генерал-интендант Великой армии М. Дюма признавал, что, хотя его ведомство с самого начала войны столкнулось с тяжелейшими проблемами, «все-таки, когда перешли за Смоленск, служба стала более тяжелой, и особенно много пострадала служба госпиталей, потому что русская армия, отступая перед нами, опустошала поля, сжигала поселения, и мы были втянуты в настоящую пустыню»⁷⁴.

«С 16 августа началась новая эпоха в этом походе, которую, видимо, можно назвать кровавой, – вспоминал К.В. Фляйшман. – Соппротивление, которое русские оказывали до этого, было не очень значительным; но после Смоленска оно с каждым днем становилось упорнее. Отныне война стала более разрушительной и ожесточенной, чем это было до сих пор. Не только деревни, но и города, которые лежали на нашем пути, были разграблены и сожжены»⁷⁵. Лоссберг 20 августа (1 сентября) указал в дневнике, что Барклаю «до сих пор удавалось парализовать намерения своего великого противника, который, с самого начала кампании, столь горячо стремился к сражению, почему нам и пришлось так глубоко вторгнуться в страну, от которой в наших руках находится, после ухода из Смоленска, в сущности, одна только дорога и те места, где располагаются наши войска». «Наше чрезмерно быстрое наступление стоило нам больших жертв людьми и лошадьми, – констатировал он, – последние питаются исключительно подножным кормом, что крайне невыгодно сказывается на конском составе кавалерии и артиллерии; наконец, мы все больше удаляемся от нашей базы, тогда как русские, наоборот, приближаются к своим ресурсам»⁷⁶.

Фуражировки стали для армии Наполеона почти невозможны. Однако в погоне за призраком победы французский император не учел последствий данного обстоятельства. 22 августа (3 сентября) он велел маршалу А. Бертье принять необходимые меры для сохранения людей при фуражировках. «Мы ежедневно теряем много людей вследствие отсутствия порядка в способах сбора продовольствия...», – сообщил Бертье командирам корпусов. – Число пленных, захватываемых неприятелем, доходит ежедневно до нескольких сотен. Императору угодно, чтобы под угрозой самых строгих взысканий солдатам было запрещено уходить в сторону. Следует посылать за припасами, согласно положению о производстве фуражировок, от корпусов, когда армия сосредоточена, и от дивизий, когда она разбросана. Фуражирами должен командовать

генерал или штаб-офицер, и достаточные силы должны прикрывать предприятие от крестьян и казаков»⁷⁷.

28 августа (9 сентября) войска Богарне двинулись к Рузе. За городом авангард натолкнулся на длинную вереницу телег и отправил их под конвоем назад в их деревни. «Мы встречаем, – писал Ложье, – массу жителей соседних деревень, везущих с собою все ценное... Грустно было смотреть на эти телеги, нагруженные детьми, стариками и больными, с ужасом на лицах возвращающихся домой»: «Наш приход в Рузу изумил население. Здоровые люди, присоединившиеся к гверильясам, бросают пики и скрываются со своими семьями в непроходимые леса, подальше от дороги. Запустение деревень поощряет солдат к грабежам. Хозяева огромных поместий заставляют своих крепостных зарывать, прятать и сжигать все, на что-нибудь пригодное, потом уезжают вместе с ними, оставляя голые стены... Кажется, еще нигде мы не видели результатов слепой ярости при уничтожении всего. Дома не только пусты, но вся обстановка разломана. Посевы уничтожены; все подверглось систематической порче. Полное разорение, показывающее, до какой крайности может дойти народ, решившийся сохранить свою независимость и честь»⁷⁸.

Апогей «скифской тактики»

Вопрос о причинах и виновниках московского пожара 1812 г. всегда будет актуальным в отечественной историографии. При этом его нельзя рассматривать изолированно от «скифской тактики». Генерал Л.А. Окс рассказывал, как вестфальцы «с жадностью смотрели на верстовые указатели, чтобы узнать, насколько они приблизились к Москве, поскольку в этом городе надеялись найти окончание всех страданий»: «Но однажды вечером в районе Вязьмы, когда генерал Окс собрал на своем биваке многих штаб-офицеров, он высказался по секрету, что, насколько он оценил русскую систему ведения войны, следует полагать, что Москва также будет покинута всеми жителями и сожжена русскими. Никто с этим мнением не согласился, поскольку такое отчаянное средство казалось невысказанным»⁷⁹. Позже Наполеон, отводя от своих солдат обвинения в поджоге, заявил И.А. Туттолмину: «Я никогда подобным образом не воевал, воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска и до Москвы я более ничего не находил, как один пепел». 2(14) сентября недалеко от Москвы вестфальцы узнали, что она занята Великой армией. «Трудно описать ту радость, которая была вызвана этим известием, – отметил Лоссберг. – Как офицеры, так и солдаты предполагают, что в Москве будет конец всем их страданиям, и их богатая фантазия рисует им самые приятные минуты и убеждает в близости заключения мира»⁸⁰. Настроенные таким образом наполеоновские солдаты едва ли стали бы сами уничтожать те трофеи, ради которых было перенесено столько трудностей и потерь. К тому же известно, что пожар вспыхнул тогда, когда основная часть французских войск еще не вступила в город. 3(15) сентября солдаты Богарне увидели густой столб дыма над центром города. «Сначала, – писал Ложье, – мы все подумали, что горит какой-нибудь магазин: русские приучили нас к таким пожарам... Мы приписываем казакам все эти ненужные разрушения и опустошения». Капитан Э. Лабом вспоминал, что французами, вступившими в пустынный город, овладел «страх, увеличившийся еще более при виде густого дыма, высоким столбом поднимавшегося в центре города»: «Сперва мы было подумали, что загорелось несколько магазинов, которые по своему обыкновению перед уходом зажгли русские». Лоссберг записал в дневнике: «По направлению к Москве видно громадное зарево и огромные столбы дыма. Страшно становится при мысли, что этот город постигнет такая же участь, как и все другие города, начиная от Смоленска! Что стало бы тогда со всеми нашими пожеланиями!»⁸¹.

Капитан К. Колачковский признавал, что гр. Ф.В. Ростопчин, «сжегши Москву, не только лишил нас запасов, бывших в этом городе, но, свалив на нас вину за сожжение города, выставил нас в глазах русского народа варварами, поджигателями,

насильниками всех божеских и человеческих прав, и этим возбудил необразованные классы народа к священной войне за веру и царя»⁸². Схожего мнения придерживался и Коленкур: «Пожары, зажженные русскими с такой политической расчетливостью и приписываемые крестьянами французам..., крестовый поход, проповедуемый русским духовенством против нас, – все сочеталось воедино для того, чтобы изобразить нас в глазах этого суеверного народа в виде варваров, которые, как говорили русские, пришли низвергнуть их алтари, похитить их достояние и увести в рабство их жен и детей. И от нас бежали, как от диких зверей»⁸³.

Все эти высказывания однозначно свидетельствуют, что самим французам пожар был совершенно невыгоден. Приходится согласиться с выводом Шведова: «Пожар Москвы был страшной жертвой, показавшей всем, на какие жертвы способны пойти россияне ради победы. Демонстрация в действии принципа “не доставайся врагу” произвела шок на неприятеля, окончательно доказала бессмысленность продолжения войны»⁸⁴. На втором этапе кампании, когда отступление русской армии прекратилось, уже не применялась и «тактика выжженной земли». На первое место выдвинулась «малая война» (партизанские действия и «народная война»), которая преследовала ту же цель – лишение неприятельской армии провианта, фуража и отдыха, но предусматривала иные методы: оборону деревень посредством кордонов, затруднение фуражировок и нападения на единственную коммуникацию неприятеля.

Цена победы

Следует признать, что «скифская война» в 1812 г. полностью себя оправдала. Уже к концу августа все корпуса центральной группировки Великой армии (кроме гвардии) лишились 50% личного состава, а для защиты ее флангов и тыла было выделено 6 корпусов. Существенное ослабление наполеоновской армии началось еще до широкого развертывания партизанской войны и организации народного сопротивления, и произошло это вследствие отступательной тактики Барклая де Толли и возможности использовать российские просторы. При этом, как правило, отнюдь не народ уничтожал свое имущество, а армия, точнее – казаки.

В Смоленской и Московской губерниях этот метод ведения войны ужесточился до «тактики выжженной земли». «Русские отступают в порядке, они сжигают мосты, деревни, – записал в дневнике Каstellлан 22 августа, – они пощадили Польшу, но опустошают Россию, это кажется странным»⁸⁵. Коленкур вспоминал, что во время отступления в ноябре местность в районе Орши стала «значительно лучше, чем между Москвой и Смоленском, т.е. гораздо менее истощенная, и жители по большей части оставались на месте»⁸⁶. С собственно русскими землями русское командование обошлось даже более сурово, чем с изменившимися польскими провинциями, где «скифская тактика» встретила сопротивление населения, а местная администрация собрала для наполеоновской армии огромные запасы (другое дело, что воспользоваться ими она уже не смогла). Применение в русских губерниях «истребительной тактики» является наиболее трагичной страницей той войны, как и судьба российских военнопленных, которых данная тактика заведомо обрекала на голодную смерть. Тем не менее, зная об их жутком положении, М.И. Кутузов отказывался произвести обмен пленными, не желая хоть сколько-нибудь усилить неприятеля⁸⁷. Общая сумма материальных потерь России в Отечественной войне составила более 1 млрд руб., причем половину этих богатств уничтожили сами русские войска.

Видимо, у русского командования не было тогда иного способа одолеть противника, приходилось вести «войну необыкновенную» и сознательно идти на огромные материальные и людские жертвы.

Примечания

- ¹ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 33–34.
- ² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 701.
- ³ *Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 39.
- ⁴ *Пугачев В.В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г. // 1812 год. Сборник статей. М., 1962. С. 32–34.
- ⁵ *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. М., 1996. С. 62–63; См. также: *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон... С. 91, 94.
- ⁶ *Жилин П.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 115–116.
- ⁷ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива (далее – МВУА). Т. I. Ч. 2. СПб., 1909. С. 4.
- ⁸ *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 66–71.
- ⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). Т. 21. СПб., 1877. С. 241–242.
- ¹⁰ См.: *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон... С. 96.
- ¹¹ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. Т. 1. СПб., 1859. С. 104–105; *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 31.
- ¹² Аналитический проект военных действий в 1812 г. П.А. Чуйкевича // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 45–49.
- ¹³ *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 73.
- ¹⁴ *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 33, 40.
- ¹⁵ *Шведов С.В.* О плане отступления русской армии в глубь страны в 1812 году // Тезисы научной конференции. Бородино, 1992. С. 35–36; См. также: *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон... С. 90.
- ¹⁶ *Монахов А.Л.* Александр I, Барклай де Толли и «скифский план» // Эпоха наполеоновских войн. М., 1999. С. 99–106. См. также: *Ивченко Л.Л.* «Полководец» А.С. Пушкина: поэтический образ и исторические реалии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, Бородино, 6–7 сентября 1999 г. М.; Можайск, 2000. С. 85–102.
- ¹⁷ *Ливен Д.* Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VI. Труды ГИМ. Вып. 166. М., 2007. С. 322.
- ¹⁸ *Wolzogen L.* Mémoires. Leipzig, 1851. S. 61–67; *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937. С. 34; *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 37.
- ¹⁹ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон... С. 92.
- ²⁰ *Безотосный В.М.* Русский план военных действий в 1812 г.: анализ прямых и косвенных источников // Эпоха 1812 года ... VI. Труды ГИМ. Вып. 166. С. 109–127.
- ²¹ *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 37, 41–43; *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон... С. 101–103.
- ²² *Ивченко Л.Л.* Указ. соч. С. 88.
- ²³ Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченки. 1782–1838 // Русская старина. 1896. № 2. С. 502.
- ²⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. С. 702.
- ²⁵ *Шведов С.В.* О плане отступления... С. 33–34.
- ²⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. М., 1954. С. 474.
- ²⁷ 1812–1814. М., 1992. С. 85–93; *Ахлестышев Д.П.* Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западною армию генерала от кавалерии А.П. Тормасова. СПб., 1912. С. 7, 39.
- ²⁸ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 6, л. 1, 6–12 об., 14–26 об., 29–31; Сборник РИО. Т. 128. СПб., 1909. С. 491, 501–504, 506, 511; 1812–1814. С. 185.
- ²⁹ ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 6, л. 34–39 об.; Генерал Багратион. Сборник документов. М., 1945. С. 155–157.
- ³⁰ МВУА. Т. XIII. СПб., 1910. С. 125, 167, 188, 224, 237; 1812–1814. С. 27, 29–35, 38, 39, 42, 47, 52, 55, 78, 96–97, 109, 151, 154; *Ахлестышев Д.П.* Указ. соч. С. 516–517; *Fabry O.* Campagne de Russie. Vol. I. P., 1900. P. 227–229, 270, 284; Vol. V. P., 1903. P. 70, 588; Генерал Багратион... С. 163, 173, 177–178.
- ³¹ МВУА. Т. XIII. С. 159, 172–174, 190, 195, 200, 205, 221, 314; Т. XV. СПб., 1911. С. 3, 7, 8; *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 117, 142; Carnet de campagne du colonel Trefcon. P., 1914. P. 93.
- ³² *Ахлестышев Д.П.* Указ. соч. С. 8, 10; ГА РФ, ф. 1165, оп. 1, д. 6, л. 34–35 об., 38–39 об.

³³ *Lossberg F.W.* Briefe in die Heimat. Geschrieben während des Feldzuges 1812 in Rußland: ein Beitrag zur Geschichte dieses Feldzuges. Cassel, 1844. S. 76; *Abbeel J.* L'Odyssee d'un carabinier à cheval. Bruxelles, 1969. P. 100–101.

³⁴ *Roguet F.* Mémoires militaires. T. IV. P., 1865. P. 642; *Guyot Cl.* Carnets de compagnes. Paris, 1999. P. 129; *Castellan B.* Journal. T. I. P., 1895. P. 109; *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 146, 157, 170.

³⁵ *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 228, 270, 286, 296–297, 309–312, 315, 323, 438, 441, 453, 468, 494, 496, 498; Vol. V. P. 570–574, 579, 583–584, 589, 606; *Puibusque L.G.* Lettres sur la guerre de Russie en 1812. P., 1816. P. 30; МВУА. Т. XIII. С. 339–342.

³⁶ *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 231, 272, 303, 447, 468; *Mändler F.* Erinnerungen aus meinen Feldzügen in Österreich, Tirol, Rußland, Sachsen und Frankreich in den Jahren 1809 bis 1815 und Episoden aus meinem Garnisonsleben Nürnberg, 1854. S. 64; *Obst A.* Die Hamburger 1812 im russischen Feldzuge. Hamburg, 1912. S. 19.

³⁷ *Kurz K.G.* Die Würtemberger in Rußland. Esslingen, 1838. S. 25–26.

³⁸ *Marco de Saint-Hilaire E.* Napoléon en Russie. P., 2003. P. 187–188.

³⁹ *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 167, 303–304, 309, 313–314, 322, 337, 439, 498, 544; Vol. V. P. 85–86, 758, 766, 770, 773, 789; *Marco de Saint-Hilaire E.* Op. cit. P. 189, 235; *Pawly R.* Les lanciers rouges. P., 1996. P. 33.

⁴⁰ МВУА. Т. XIV. СПб., 1910. С. 34–35, 94; Т. XVII. СПб., 1911. С. 133, 139, 142; *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 603, 629, 635; Vol. II. P., 1990. P. 10, 16, 20–22, 50–51, 161, 206; *Peyrusse G.* Mémorial et archives. Carcassone, 1869. P. 83; *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии. М., 1912. С. 73, 96.

⁴¹ *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 591, 596, 623–624, 626; Vol. II. P. 35, 39, 56, 99, 131, 135; Vol. III. P., 1902. Ann. P. 113; Vol. V. P. 85–86; *Marco de Saint-Hilaire F.* Op. cit. P. 223; *Pawly R.* Op. cit. P. 33–34; *Беляев В.* К истории 1812 г. СПб., 1905. С. 52–53.

⁴² *Vaudoncourt G.* Quinze années d'un proscrit. T. I. P., 1835. P. 118–119.

⁴³ *Du Casse A.* Mémoires et correspondance politique et militaire de prince Eugene. T. VII. P., 1859. P. 432, 437–440.

⁴⁴ *Fabry G.* Op. cit. Vol. II. P. 313, 344–345; Vol. III. P. 20, 134; *Labaume E.* La campagne de Russie. P., 2001. P. 68, 73; *Беляев В.* Указ. соч. С. 58–59; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 70–71, 79–80.

⁴⁵ *Fabry G.* Op. cit. Vol. II. P. 367–368; Vol. III. P. 365, Ann. P. 176–182; *Preysing M.* Tagebuch. München, 1912. S. 6–9; Записки маркиза Пасторе о 1812 году // Русский архив. 1900. № 12. С. 490.

⁴⁶ Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 146.

⁴⁷ *Fabry G.* Op. cit. Vol. II. P. 292, 367; Vol. III. P. 287; *Lecoq G.* Journal d'un grenadier de la Garde // La Revue de Paris. 1911. № 17. P. 163.

⁴⁸ *Fabry G.* Op. cit. Vol. II. P. 54, 58, 93.

⁴⁹ МВУА. Т. XIV. С. 24, 30, 37–38, 48–49, 54, 58, 63, 66–67, 93–94.

⁵⁰ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 344–345.

⁵¹ Correspondance de Napoléon I-er. T. 23. P., 1867. № 19018, 19019, 19021, 19023, 19027; *Fabry G.* Op. cit. Vol. I. P. 447, 505, 506; Vol. II. P. 305, 313, 374; Vol. III. P. 146, 366; *Roos H.* Mit Napoleon in Rußland. Stuttgart, 1911. S. 52–53; *Röder von Bomsdorf O.W.* Mittheilungen. Leipzig, 1816. Th. I. S. 85; Th. II. S. 29–40; *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. T. II. P., 1912. P. 21; *idem.* Ordres et apostilles de Napoléon I-er. T. II. P., 1912. P. 377.

⁵² *Caulaincourt A.* Mémoires. T. I. Paris, 1933. P. 376; *Castelot A.* La campagne de Russie 1812. P., 2000. P. 111; *Fabry G.* Op. cit. Vol. III. P. 224–227; *Kukiel M.* Manewr Smoleński. Warszawa, 1927. S. 24–25.

⁵³ *Fabry G.* Op. cit. Vol. III. P. 5; *Kukiel M.* Manewr... S. 26–28; *idem.* Wojna 1812 roku. T. II. Kraków, 1937. S. 21–22.

⁵⁴ Листовки Отечественной войны 1812 г. Сборник документов. М., 1962. С. 33–37; Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив. Т. VII. С. 127.

⁵⁵ *Röder van Bomsdorf O.W.* Op. cit. Th. I. S. 111–112; *Beauvillier P.L.* Mémoires sur l'expédition de Russie // *Beauchamp A. de.* Mémoires secrets et inédits. P., 1825. Vol. II. P. 13–14; *Fabry G.* Op. cit. Vol. II. P. 268–269.

⁵⁶ *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 87–88.

⁵⁷ *Guyot Cl.* Op. cit. P. 133; *Kukiel M.* Wojna... Vol. II. S. 135; *Austin P.B.* 1812: The March on Moscow. L., 1993. P. 161–162.

⁵⁸ *Chevallier J.M.* Mémoires des guerres napoléonienne. P., 1970. P. 186–187; *Abbeel J.* L'Odyssee d'un caabinier a cheval. Bruxelles, 1969. P. 108.

- ⁵⁹ Воспоминания генерала Хлаповского о войне 1812 года // Вестник иностранной литературы. 1902. № 10. С. 19–20.
- ⁶⁰ *Wedel C.A. Geschichte eines Offiziers in Kriege gegen Rußland 1812.* Berlin, 1897. S. 72, 74.
- ⁶¹ Поход в Россию в 1812 г. По запискам участвовавшего в нем офицера французской армии барона ван Эренса // Русская беседа. 1896. № 7–8. С. 24.
- ⁶² *Castellane B.* Op. cit. Vol. I. P. 140–141.
- ⁶³ *Le Roy C.F. Souvenirs.* Dijon, 1908. P. 151.
- ⁶⁴ *Chevalier J.M.* Op. cit. P. 190.
- ⁶⁵ *Schehl C. Vom Rhein zur Moskwa 1812.* Krefeld, 1957. S. 63.
- ⁶⁶ *Tagebuch des Leutnants Anton Vossen.* Marburg, 1892. S. 3. К истории 1812 года. Дневник поручика Фоссена // Русский архив. 1903. № 11. С. 468. См. также: *Lecoq C.* Op. cit. P. 164; *Abbeel J.* Op. cit. P. 111. Вопреки многочисленным свидетельствам, официальный историограф не побрезговал солгать, будто «Мюрат вошел в Дорогобуж, опустелый, но несожженный... Из мщения французы зажгли Дорогобуж» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 г. М., 2008. С. 222).
- ⁶⁷ *Constantin P. Journal et Lettres de campagne // Carnet de la Sabretache.* № 298. 1925. P. 409; *De Baudus M. Etudes sur Napoléon.* Т. II. P., 1841. P. 54; *Fantin des Odoards L.F. Journal.* P., 1895. P. 324; *Le Roy C.F.* Op. cit. P. 152; *Castellane B.* Op. cit. Vol. I. P. 143–144; *Suckow K. Aus meinen Soldatenleben.* Leipzig, 1862. S. 176; *Gardier L. Journal de campagne de Russie en 1812.* P., 1999. P. 41–43; *Wagner F.L. Tagebuch // Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine.* Bd. III. Berlin, 1899. S. 210.
- ⁶⁸ *Guyot Cl.* Op. cit. P. 139.
- ⁶⁹ *Revue des Deux Mondes.* 15 décembre 1962. P. 494.
- ⁷⁰ *Lagneau L. Journal d'un chirurgien de la Grande armée.* P., 1913. P. 203.
- ⁷¹ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 116–121.
- ⁷² *Constantin P.* Op. cit. P. 463.
- ⁷³ Великие бедствия Луи Шено и его дорогих товарищей по оружию, пережитых ими в России в 1812, 1813 и 1814 гг. // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 2. С. 75.
- ⁷⁴ *Chuquet A. La Guerre de Russie.* Т. III. P. 308–309; *Gardier L.* Op. cit. P. 43; *Marco de Saint-Hilaire E.* Op. cit. P. 337.
- ⁷⁵ *Fleischmann Ch.W. Denkwürdigkeiten.* Berlin, 1892. S. 23–24.
- ⁷⁶ *Лосцберг Ф.* Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. № 1. С. 24. См. также: *Wedel C.* Op. cit. S. 72–73; *Peyrusse G.J.* Op. cit. P. 89.
- ⁷⁷ *Marco de Saint-Hilaire E.* Op. cit. P. 278; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 107.
- ⁷⁸ *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 156–158.
- ⁷⁹ *Hohenhausen L. Biographie des generals von Ochrh.* Cassel, 1827. S. 247.
- ⁸⁰ *Лосцберг Ф.* Указ. соч. С. 46.
- ⁸¹ *Preysing M.* Op. cit. S. 16; *Adam A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers.* Stuttgart, 1886. S. 202–203; *Wedel C.* Op. cit. S. 97–98; *Schehl C.* Op. cit. S. 78; *Chevalier J.M.* Op. cit. P. 205; Les carnets du major Joseph Gastinieu // *Tradition Magazine.* № 146. P. 13; Французы в России. Т. II. М., 1912. С. 20, 25, 33; *Лосцберг Ф.* Указ. соч. С. 47.
- ⁸² *Колачковский К.* Записки // *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. С. 237.
- ⁸³ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 188; Наполеон. Годы величия. Воспоминания секретаря Меневаля и камердинера Константа. М., 2001. С. 384–386, 391; *Beauvillier P.L.* Op. cit. P. 35–36; *Goriainov S.E. Letters interceptées par les Russes durant la campagne de 1812.* P., 1913. P. 34, 37–38, 51.
- ⁸⁴ *Шведов С.В.* Москва в Отечественной войне 1812 г. // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1998. С. 41–42.
- ⁸⁵ *Gastellane B.* Op. cit. Vol. I. P. 140.
- ⁸⁶ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 246.
- ⁸⁷ См.: *Попов А.И.* Судьба русских военнопленных в 1812 г. // Исторические исследования. Вып. 2. Самара, 1998. С. 27–41.